

Пел за всех. Отвел душу!

Куботра. — 1995. — 2 сент. (№34), — С.5.

Чего в жизни актера Олега Анофриева больше: ролей в кино или песен, исполненных за кадром? Кто-то вспомнит его в фильмах "За витриной универмага", "В добрый час", "Друзья и годы". Но сколько сердец отзовется, едва зазвучит негромко: "Если радость на всех одна, на всех и беда одна", или безоглядно: "Есть только миг между прошлым и будущим, именно он называется жизнь". И "Путь к причалу", и "Землю Санникова" при этом назовут не все, а песни пережили "первоисточник". Я уж не говорю о "Бременских музыкантах". Там Анофриев умудрился спеть даже за атаманшу. А началась его популярность...

Татьяна ПЕТРЕНКО

— ... После выхода короткометражного фильма "Секрет красоты". Там, если помните, героиня Тамары Носовой, горе-парикмахерша обстригала своего приятеля-стилягу так, что у него на голове оставался один жалкий чубчик. Было это сорок лет назад. Я никак не мог предположить, что 20-минутный фильм может иметь такой успех! Его крутили вместо журнала перед каждым сеансом во всех кинотеатрах, и меня стали узнавать на улице. А когда на пластинке появились песни из кинофильмов "Путь к причалу" и "Там, где кончается асфальт", "Я хочу, шофер, чтоб тебе повезло", стали узнавать и голос.

— Вы из актерской семьи?

— Нет. Папа — врач, а мама, когда была молодой девушкой, еще до революции, успешно сдала экзамены в театральное училище, но, когда она радостная пришла домой, отец ее выпорол и запер, потом вышла замуж, и — "прощай, мечта"! Поэтому, когда я поступил в Школу-студию МХАТа, мама была несказанно счастлива. Тем более что опасалась за мое будущее из-за руки...

— Извините, а что с рукой?

— Я в войну хоть и пацаном был, но хорошо все помню: день, когда минировали мосты — (16 августа), и нас, а жили мы на Смоленской площади, переселили в другой дом. Потом эвакуировали в Свердловск. Мы ехали в вагонах метро, прицепленных к поездам, целый месяц. В эвакуации пробыли недолго, вернулись обратно, и тут однажды мы с ребятами нашли в подвале гранату, я снял кожу, высыпал порох... В общем, запал взорвался в моей левой руке. С тех пор все пальцы изуродованы...

— Олег Андреевич, как хоро-

шо, что это несчастье вам не помешало!

— После окончания Школы-студии я пришел в Детский театр. Золотое было время. Анатолий Эфрос и Олег Ефремов уже успели поставить по спектаклю. Я сыграл небольшую роль в "Мнимом больном" у Ефремова и получил из его рук в его следующей работе главную роль! Это был "Димка-невидимка" — наш первый мюзикл!

Открытый первым опытом, я стал играть довольно много. После спектакля "Двадцать лет спустя" меня пригласили в Театр имени Маяковского на роль Хлестакова! Ну кто смог бы отказаться? Если бы я знал, что у Охлопкова это был "долгоиграющий" проект, не ушел бы из Детского. Но — ушел. Два сезона просидел на скудном пайке — на эпизодах, вводах, заменах, тосковал, томился. Был случай, когда меня почти выгнали из театра за нарушения трудовой дисциплины. Но в это время шли репетиции спектакля "В горах мое сердце". У меня была крошечная роль почтальона. Я решил: "Сыграю... композитора Гершвина!" "Я как раз где-то прочитал, что великий Гершвин начинал с разносчика газет. Я выезжал на велосипеде, мелодично насвистывая, намекая на музыкальный дар. Эпизод вырос в целую сцену. Во время обсуждения на худсовете Охлопков боролся с собой — и фантазия моя ему пришлась по душе, и с другой стороны, поощрять того, который проштрафился, не хотелось. Наконец сказал,



обращаясь ко мне: "А с вами мы должны будем расстаться, — сделал долгую паузу и добавил, — если это еще раз повторится". Так я остался в труппе. Но новой череды дней сплошного ожидания больше вынести не мог. Когда окончательно понял, что роль Хлестакова мне "не светит", пришло предложение из Театра имени Моссовета. И я ушел туда на роль Василия Теркина!

— Однако вы ушли и из этого, третьего по счету театра. Что же вас не устраивало?

— У меня есть стихотворение, которое заканчивается такими строчками: "Я разлюбил профессию, которой сродни пустой и чистый белый лист"... И все больше склонялся к мысли, что актер — это не призвание, а ремесло, что артистом может стать каждый, вспомнить хотя бы итальянский неореализм, как там прекрасно играли люди с улицы. В театрах артистов много, талантливых — наперечет. С годами их становится все меньше. У меня очень жесткий критерий. С кем из нынешних можно сравнить, например, Смоктуновского, Гриценко, Леонова?

— Но в то время советский артист не мог уйти из театра и сидеть дома, он должен был где-то работать.

— А я и работал. Практически — на "Мосфильме", а числился в Театре киноактера. Много снимался, ездил по стране с программами "Товарищ кино", писал сценарии детских сказок, сделал инсценировки "31 июня", "Тень". Был композитором и постановщиком мюзикла "Только не это, синьор Хуан" в Театре оперетты.

— А потом пришли в Театр киноактера главным режиссером?

— Я не приходил в театр, я в нем работал. И уже собирался уходить, когда мне предложили должность художественного руководителя, а потом и главного. Преследуя цель возродить театр, я взялся за дело с самыми честными намерениями. Залы его в то время были полупусты. Я пригласил режиссеров, выбил деньги на постановки, сам собирался ставить. И все бы ничего, но я вынужден был участвовать в очень тяжелом процессе — сокращении штатов... Конечно, было жаль людей, но одного я не мог по-

нять: как можно числиться и ничего не делать? В результате нажил много врагов, головную боль и предынфарктное состояние, понял, что бессилён, и тогда ушел уже на пенсию.

— И что же вы намерены делать?

— Совсем недавно очень хорошо разошелся мой диск, где были песни из мультфильмов "Бременские музыканты", "Львенок и черепаха", "В порту", "Сказка про русского солдата". Я слышал много добрых слов и понял, что нужно выпускать новый диск со старыми песнями, ведь молодое поколение их почти не слышало.

— Чем вы объясняете успех "Бременских музыкантов"?

— Мы стояли у истоков жанра. Первое всегда дороже довтора. Тогда у нас ВИА только начинались. А в мультфильме появились зверушки, что дало возможность пройти безболезненно цензуре. Они пели, играли на разных инструментах — ну чем не ВИА?

— Вы были уверены, что сможете спеть почти за всех персонажей?

— Я уже и раньше много работал на озвучании мультфильмов. Иногда до смешного доходило. Если не было песни, я придумывал ее и стоял наготове: "А можно здесь мой герой споет?" Мне частенько говорили: "Пусть он здесь помолчит". Зато в своей инсценировке "Тени" я пел за всех, кроме женщин, отвел, что называется, душу. Пластинка разошлась, но тираж был невелик, всего три тысячи экземпляров.

— Я заметила, что даже ваши отрицательные персонажи не поют "злым" голосом.

— В детской сказке не место злости. Я сам вырос в подворотне, мы пели блатные песни, но когда все это вытаскивают на сцену, кончается искусство.

— За кого из артистов вам приходилось петь?

— В фильме "Герой ее романа" — за Ширвиндта, Павлова, в "Трех холостяках" — за В.Абдулова и Вл.Носика, а в фильме "Живите в радости" — за Куравлева.

— Какие песни вы пели дочке, внукам?

— С дочкой получилось очень смешно, потому что ждали мальчика, родилась девочка, а так как из песни слова не выкинешь, пришлось ей засыпать под "спи, усни, мой милый шалунишка, баю-бай, мой ласковый малыш".

Ну а для следующего поколения написал специально "персональные" колыбельные. Положение обязывает — дважды дед!